У жизни в сравнительно сельской местности есть ряд недостатков, к которым просто привыкаешь.

О том, сколько времени требуется для прибытия экстренных служб при поездках между городами, я не задумывался до тех пор, пока не застрял в застрявшей машине у подножия обрыва, израненный и истекающий кровью, посреди холодной горной зимы.

Мое дыхание сопровождалось отчетливым влажным хрипом, что было весьма тревожно. Одна сторона, казалось, не поднималась. Я был почти уверен, что получил прокол и коллапс легкого. Вначале была резкая боль, но она уже давно прошла. Я попытался использовать то, чему меня еще учили на медицинских курсах в университете, но это было уже в прошлом. К этому моменту мысли приходили в тоскливом, будничном ключе.

Одно из моих легких разрушилось.

Кажется, в аварии была сломана орбитальная кость.

Одна нога была прикручена к черту и обратно.

Я по-прежнему не слышал ни сирен, ни каких-либо других признаков экстренного спасения. Сколько прошло времени? С моими мыслями это было трудно определить. Час? Неважно, если спасатели еще не прибыли.

О, я слышал крики людей сверху. Но вниз они не спускались. Не то чтобы я винил их; я был идиотом, который сошел с дороги на участке, расположенном буквально над самыми высокими и крутыми скалами на всем маршруте. Возможно, раньше я отчаянно надеялся, что кто-нибудь из них спустится, но сейчас мои тупые мысли признавали лишь то, что ожидать, что случайные водители спустятся с обрыва в метель, было безумием.

Я, по крайней мере, верил, что они позвали на помощь, но, судя по отсутствию спасателей, метель заставила их проехать немалое расстояние, чтобы связаться с кем-то даже по телефону.

Я слабо наклонил голову, чтобы посмотреть на сестру. Я был рад, что ей все же лучше. Она была без сознания от удара по голове, и я знал, что травма головы означает реальную вероятность того, что ей будет хуже, чем мне. Однако я все же надеялся, что ей будет лучше.

В конце концов, она была пристегнута ремнем безопасности, когда мы катились вниз с обрыва. Ее не швыряло, как меня, отчего все болело до онемения. Меня даже разозлило, когда мы остановились с перевернутой машиной, а я не потеряла сознание и не умерла сразу.

Мы ехали в первую очередь ради нее. Я проснулся рано утром, чтобы ехать в метель, чтобы отвезти ее на назначенную судом реабилитацию, так как никто другой не мог этого сделать. Это она усложняла каждый шаг, вызывала у меня раздражение и стресс. Авария произошла

потому, что она отказалась пристегнуть ремень безопасности, и я потянулся, чтобы сделать это за ней. Неудачное время, учитывая, что я попал на черный лед как раз в тот момент, когда ограждение открывало живописный вид на пейзаж на вершине скалы.

Однако к этому моменту всякая обида улетучилась. У меня не было сил злиться. Оставалось только сделать то немногое, что я мог сделать сразу после случившегося, и теперь сидеть и ждать. Я спустил ее с рук и завернул в одеяло, которым она укуталась с самого начала поездки. С учетом метели и разбитых окон я ей завидовал.

Хотя к этому моменту я уже перестал чувствовать холод.

Когда она все еще была в полном порядке, моя голова снова откинулась назад, чтобы просто зажмуриться.

Хм, мое зрение темнело.

Неужели мне показалось, что я слышу вертолет?

Больше я ничего не слышал, поэтому сильно сомневался в этом.

[Найдена цель с требуемыми условиями и характеристиками].

...

Хм, это было что-то новенькое.

[Телесные функции должны прекратиться через тридцать секунд. Подготовка к продолжению потока сознания].

А, так я умирал. Это не слишком удивительно и не слишком расстраивает. Час пролежал в разбитой машине во время снежной бури с переломанным телом не оставлял надежды на оптимизм.

[Подготовка к удержанию и транспортировке души после телесной катастрофы].

Неужели эта штука должна была быть такой громкой? Я больше ничего не слышал. Тем не менее этот не-голос говорил с такой силой, что казалось, будто меня вот-вот разорвет на куски.

[Готовность к подсказке и вводу данных для модификации души в процессе обработки].

Ха, такое прямое упоминание души. Как будто существование души просто предполагалось.

Что люди и религии не задумывались над вопросом ее существования с незапамятных времен.

Впрочем, с моей смертью это было некоторым облегчением, даже если бы этот странный – дурацкий громкий – голос не показался мне Богом.

…

Я хотел бы почувствовать это сам.

Просто чтобы избавиться от последних сомнений.

[Получен вход. Навык – Духовная чувствительность – добавлен к душе].

[Неудача. Добавленный навык не может соответствовать запросу. Дальнейший потенциал принесен в жертву входным данным].

[Навык – Духовная чувствительность – повышен до дара – Заглянуть в душу –].

Хм.

Даже когда мои органы чувств полностью отказали, я увидел.

…

Все было не так уж плохо.

[Телесные функции прекращены. Начинается вместилище и транспортировка души].

|————O————|

Я не мог этого описать. У меня не было глаз, ушей, тела. Никаких органов чувств, которые должны быть мне доступны.

Но внезапно на меня обрушился поток сенсорной информации. Она появлялась и исчезала. Слишком быстро, чтобы я мог ее обработать. Просто непрекращающийся шквал, который заставил бы меня закричать, если бы я был способен на это.

[Началось путешествие по мирам. Использую дополнительные промежуточные миры, чтобы сохранить энергию для модификации души].

[Ожидание подсказки или ввода].

Черт, прекрати это!

Это было слишком!

Я бы прослезился от глупости желания увидеть душу, если бы мог. Это заставило меня слишком хорошо осознать все происходящее. То, как моя душа – сама моя сущность – оказалась в руках того, что это было. Крепко держали, сжимали, двигали и меняли. Казалось, что меня разрывает на части от воздействия и знания.

Мою душу перемалывали и изменяли в нечто гораздо худшее, чем обычная смерть.

[Получен вход. Умение – Сопротивление души – добавлено к душе].

А, уже не так больно.

Меньше.

Но все же недостаточно, чтобы агония ситуации не захлестнула меня. Может, моя душа и не окрашивается в цвет этих вспышек… того, что я могу чувствовать, но я все еще был в этой ситуации. В ловушке. Под чужим контролем.

И то, что я мог предположить, было просто душой. Без тела. Ничего, чтобы протянуть руку и коснуться чего-то. Просто… сгусток сознания и самости.

Неужели я обречен быть каким-то нематериальным призраком?

Никогда больше не прикоснуться к кому-то? Не смотреть в чьи-то глаза? Быть услышанным, даже если я услышу?

[Получен вход. Навык – Духовная эмпатия – добавлен к душе].

[Обнаружена совместимость модификаций. Дар – Заглянуть в душу – позволяет повысить навык – Духовная эмпатия – до дара – Прикоснуться к душе –].

[Два дара, связанных с душой, наряду с вводом навыка – Телесность души – позволяют получить материализацию □□□□

Я чувствовал это, и моя душа трепетала от его присутствия.

Я был не одинок в этом.

Моя душа была схвачена этим существом, которое говорило со мной. Захватило, переместило. Изменена. Я был беспомощен перед ним, самая сокровенная суть меня была обнажена, превращена в игрушку.

За секунду до этого я не мог представить себе ничего более грандиозного и величественного.

Это было существо, которое если и не было Богом, то, несомненно, было им в любом практическом смысле.

...

Затем в следующем прыжке мы оказались рядом с гребаным солнцем.

И это солнце ударило так быстро и мощно, что даже существование голоса стало беспомощным.

Ранее неоспоримая сила была разрушена в одно мгновение, а существование, стоящее за ней, просто отброшено в сторону.

И я вдруг обнаружил, что передо мной стоит солнце.

И оно смотрело на меня.

Бесконечная пустота со всей безграничной мощью солнца смотрела на меня.

|————O————|

В глазах Офис мелькнула досада, а затем апатия, когда она посмотрела на ничтожную смертную душу, которую схватила в руку.

Ее взгляд метнулся к другому присутствующему, раздражение снова нарастало. Оно вспыхивало. Вспыхивает и клубится. Протестуя и пытаясь запугать.

Шумно.

Вспышка ее силы отбросила его назад через небольшой разрыв в границе Пропасти, а затем ее

сила запечатала этот разрыв, не обращая внимания на его возмущение.

Оно заслужило его за дерзость использовать ее Зазор как ступеньку на пути.

Как будто ее волновало возмущение такого существа. Одно из тех эксцентричных существ, которые, казалось, специализировались исключительно на перемещении между мирами и по загадочным причинам, похоже, решили использовать свои ничтожные таланты, чтобы выхватывать изолированные души из самых слабых миров для модификации, а затем бросать их в другом месте. Простая досада.

Когда в Захвате все было в порядке, ей никогда бы не пришлось опускаться до того, чтобы лично их останавливать.

Впрочем, она пожалеет о таких бессмысленных существованиях позже.

Ее взгляд вернулся к душе, которую она схватила. Она была недоступна чувствам низших существ, но не ее. Для нее эта слабая душа была просто…

шумной.

Открыв слезу в убежище, которое она с неохотой использовала в других мирах, когда покидала Промежуток, она пропустила душу через него, а затем снова запечатала. Она могла пройти через механизмы тех миров, чтобы справиться с душами. Даже если душа была чужой, наиболее подходящее – Небо – возьмет на себя роль хранителя души умершего.

В Гэпе и так было слишком шумно, чтобы она могла беспокоиться.

Беспомощная душа и раздражающий вмешатель были удалены, но Пропасть все равно оставалась слишком шумной, чтобы Офис могла почувствовать хоть каплю удовлетворения. Это была всего лишь капля в ливне, который, по мнению Офис, разрушил ее дом. Далекое присутствие Великого Красного, словно нескончаемая гроза, довлело над всем этим, гарантируя, что ливень никогда не прекратится.

Она не могла остановиться до тех пор, пока этот крикливый, забывчивый ящер не уберется из ее дома.

Если бы не он, такого инцидента, как сейчас, никогда бы не случилось. Ни тогда, когда она была здесь одна. Не тогда, когда Пропасть была безмолвна и пуста, как сейчас, когда она одна занимала ее.

Пропасть была одновременно и пустотой между другими мирами, и естественными путями между ними, но также служила щитом и барьером от других миров. Подвластная ей природа защищала его от вторжения. Ее присутствие было одиноким. Она требовала тишины. Чтобы

была только пустота.

Рождение Великого Красного или путешествие сюда, когда она находилась за его пределами, разрушало все.

Не то чтобы это был больше не ее дом. Или что она потеряла силу в каком-то ощутимом объеме. Не то чтобы она легко проиграла Грейт Рэду, как и он ей.

Это было концептуально.

Одно высшее существо превратилось в два, и оба сделали Пропасть своим домом.

Ее власть здесь больше не была абсолютной.

Великий Красный не заботился о сохранении Зазора в прежнем виде. Его не волновали такие вещи, как защита жителей других миров от вторжения. Он был слишком эгоцентричен, чтобы беспокоиться об этом. Он был ослеплен собственным великолепием.

Офис стоял в одиночестве, поскольку существование других было слишком громким, чтобы не быть отвергнутым.

Великий Красный стоял в одиночестве, поскольку ничтожное существование других не заслуживало даже признания.

Офису удавалось поддерживать определенный уровень стабильности в Промежутке, чтобы предотвратить настоящий развал. Но не до такой степени, как раньше. Не тогда, когда Великий Красный остался. Не тогда, когда Великий Красный даже не замечал подобных вторжений межпространственных существ. Не тогда, когда расы в соединенных мирах использовали Пропасть для более эффективной телепортации – это было ниже его забот.

Это только укрепило ее в мысли, что удаление Великого Красного из Промежутка было необходимостью.

Пока эти мысли проносились в ее голове, маленькая душа, которую она выбросила, уже была наполовину забыта.

http://tl.rulate.ru/book/95224/3241651